

113	0097-01	ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ	"Акробат сердца"	Часть 1 "В мышеловке"
114	0097-02	ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ	"Акробат сердца"	Часть 2 "Если хочешь"

«АКРОБАТ СЕРДЦА» (Коренблит – Шершеневич)

От собеседника

Вадим Шершеневич - яркий представитель и, что важно, идеолог и теоретик целого направления в поэзии Серебряного века под названием Имажинизм. Имажинистами себя считали, и явно принадлежали к ним, в разное время С. Есенин и Р. Ивнев. Мне приятно, что в начале своего творческого пути В. Ш. находился под огромным влиянием К. Бальмонта и А. Блока (в чем сам признавался), но не избежал-таки соблазна попробовать "изобрести велосипед" и, как ни странно, ему это удалось. Пройдя от символизма через эго-футуризм к "равенству по важности образов" (это основной ключ к пониманию этих стихов), В. Ш. стал очень самобытным поэтом, и я с удовольствием предлагаю Вам с ним познакомиться (тем более, что некоторое время он работал в театре с моим дальним родственником А. Я. Таировым). Во время создания этого альбома пришлось применять музыкальные формы, соответствующие всем предпочтениям и подражаниям самого поэта (к примеру - В. Маяковскому).

"Акробат сердца" - название, как нельзя кстати и к месту, характеризующее все события этого музыкального "спектакля" (или точнее Нотного портрета, который ещё, к сожалению, не воплощён на какой-либо сцене), происходящие с главным "героем" и даже с самим поэтом.

"В мышеловке" оказывается сердце неисправимого лирика и на самом деле слишком влюбчивого молодого человека, который за всем своим фанфаронством пытается скрыть свою застенчивость.

"Если хочешь" - обращается поэт-герой к своей возлюбленной. Он даже готов к её ногам принести в жертву свой дар поэта - "свои крылья"! Я бы не стал этого делать. Чем это закончилось? Послушайте и узнаете сами...

Ваш Станислав Коренблит

Часть 1 "В МЫШЕЛОВКЕ"

1. Маски	- 1.13
2. Ледяной болван	- 1.11
3. Частушка молитв	- 2.05
4. Продажа	- 1.57
5. Сказка	- 1.18
6. Разбитое окно	- 3.33
7. Портрет	- 1.30
8. Глаза	- 1.11
9. Инструментовка образом	- 1.34
10. Чашка чая	- 2.55
11. Вы	- 1.40
12. Праздник	- 1.02
13. За городом	- 1.56
14. В мышеловке	- 1.51
15. Пожалуйста	- 1.44
16. Клавиши чёрные	- 1.14
17. Мы на земле!	- 1.35
18. Городская охота	- 1.00
19. На бульваре	- 1.27
20. Воспоминания лёгкие	- 1.31

21. Только тоска	- 1.11
22. Город	- 1.51
23. Ваше имя	- 3.50
24. Моя душа	- 1.06
25). Молитва	- 2.11
26). Интимное	- 1.16
<i>Общее время звучания - 44.52</i>	
<i>Общее время звучания - 86.11</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "В МЫШЕЛОВКЕ"

1. МАСКИ

Маски повсюду, веселые маски,
Хитро глядят из прорезов глаза;
Где я? В старинной, чарующей сказке?
Но отчего покатила слеза?

Глупые маски, веселые маски,
Манит, зовет меня ваш хоровод.
Вот промелькнули влюбленные глазки;
Странные маски, куда вас влечет?

Платья безвкусны, размеренны речи;
Мчатся в бессмысленной пляске
Руки, зовущие груди и плечи;
Глупые маски, веселые маски.

Слезы личиной глухою закрою,
С хохотом маску надену свою!
Глупые маски! Стремитесь за мною,
Слушайте: пошлости гимн я пою.

Маски повсюду, веселые маски,
Хитро глядят из прорезов глаза;
Где я? В старинной, чарующей сказке?
Но отчего покатила слеза?

2. ЛЕДЯНОЙ БОЛВАН

Из снега сделан остов мой.
Я - ледяной болван немой.

Мой грубый, неуклюжий торс
К ногам безжизненным примерз.

Два неморгающих зрачка -
Два бархатистых уголька.

Льдяное сердце в грудь не бьет,
Льдяное сердце - мертвый лед.

Весенний луч... Бегут ручьи,
И руки мертвые мои

Еще беспомощней торчат,
И слезы-льдинки сыплет взгляд.

Весенний день и синева...
Подтаивает голова.

Весенний день лучом вскипел...
Я пошатнулся и осел,

И тяжело упал назад.
И только бархатистый взгляд

Глядит с укором на весну,
Нарушившую тишину.

3. ЧАСТУШКА МОЛИТВ*

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез, -
А мне бы только любви немножечко,
Да десятка два папирос.

А мне бы только любви вот столечко,
Без истерик, без клятв, без тревог.
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног.

И, право, не надо злополучных бессмертий,
Блестяще разрешаю мировой вопрос, -
Если верю во что - в шерстяные материи,
Если знаю - не больше, чем знал и Христос.

И вот за душою почти несуразною,
Ширококолейно и как-то в упор,
Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробьиною сплетней распертый простор.

Коль о чём я молюсь, так чтоб скромно мне в дым уйти,
Не оставить сирот - ни стихов, ни детей;
А умру - мое тело плечистое вымойте
В сладкой воде фельетонных статей.

Мое имя, попробуйте, в библию всуньте-ка.
Жил, мол, эдакий комик святой
И всю жизнь проискал он любви бы полфунтика,
Называя любовью покой.

И смешной, кто у Данта влюбленность наследовал.
Весь грустящий от пят до ушей,

У веселых девчонок по ночам исповедовал
Свое тело за восемь рублей.

На висках у него вместо жилок - по лилии,
Когда плакал - платок был в крови,
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.

Но пока я не умер, простудясь у окошечка,
Все смотря: не пройдет ли по Арбату Христос, -
Мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.

4. ПРОДАЖА*

У купца - товаром трещат лабазы,
Лишь скидавай засов, покричи пять минут:
- Алмазы! Лучшие свежие алмазы! -
И покупатели ордой потекут.

Девушка дождется лунного часа,
Выйдет на площадь, где прохожий част,
И груди, как розовые чаши мяса,
Ценителю длительной дрожи продаст.

Священник покажется толстый, хороший,
На груди с большущим крестом,
И у прихожан обменяет на гроши
Свое интервью с Христом.

Ну, а поэту? Кто купит муки,
Обмотанные марлей чистейших строк?
Он выйдет на площадь, протянет руки,
И с голоду подохнет в недолгий срок!

Мое сердце не банк увлечений, ошибки
И буквы восходят мои на крови.
Как на сковородке трепещется рыбка,
Так жарится сердце мое на любви!

Эй, люди! Монахи, купцы и девицы!
Лбом припадаю отошедшему дню,
И сердце не успевает биться,
А пульс слился в одну трескотню.

Но ведь сердце, набухшее болью, дороже
Пустого сердца продашь едва ль,
И где сыскать таких прохожих,
Которые золотом скупили б печаль?!

И когда ночью сжимаете в постельке тело ближнее,
Иль устаете счастье свое считать,

Я выхожу площадями рычать:
 - Продается сердце неудобное, лишнее!
 Эй! Кто хочет пудами тоску покупать?!

5. СКАЗКА

Лапоть вяжет на проталинке
 И свистит, как мальчик маленький;
 Сам дороден, волос сед,
 Весь взъерошен - чертов дед.

На руках мохнатых - плечи;
 Всяк боится - конный, пеший -
 Лишь засвищет старый леший.

Ласков он лишь с малым зверем,
 С птичкой, птахою лесной,
 Их зовет он в гости в терем
 Расписной.

А в избушке - в терему
 Славно, весело ему:
 Там сидит попова дочка,
 Гребнем чешет волоса,
 В жемчугах ее сорочка,
 Брови - будто паруса.

Раз забрел я к ним в избу,
 Проклинал тогда судьбу:
 Еле от нее ушел,
 Еле вышел в чистый дол.

...Ну, а с той поры грущу,
 Терем золотой ищу.
 Больно девка хороша:
 Голос - словно звон в часовне,
 Стосковалася душа
 По красавице поповне.

6. РАЗБИТОЕ ОКНО

Я грущу в кабаке за околицей,
 И не радуется вино,
 А метель серебристая колет
 Сквозь разбитое ветром окно.

В полутемной избе низко стелется
 Сизым клубом махорки струя.
 - Ах! Взгляни, промелькни из метелицы,
 Снеговая царевна моя!

Из лугов, из лесов густодебренных,

Из далеких жемчужных полей
Покажись мне на крыльях серебряных
Голубых, снеговых лебедей.

Покажись мне безлунной дорогою,
Хоть на миг из тумана явись,
И рукою печальной и строгою
Моих глаз воспаленных коснись!

Неужель одному мне суровую
Перенести мою горе-судьбу?
Иль залечь одному мне в кедровую,
Благовонную смертью избу?

Никого! Я один за околицей
Упиваюсь тяжелым вином,
Да метель серебристая колется
И играет разбитым окном.

7. ПОРТРЕТ

Ваш полудетский, робкий шопот,
Слегка означенная грудь -
Им мой старинный, четкий опыт
Невинностью не обмануть!

Когда над юною забавой
Роняете Вы милый смех,
Когда княжною величавой,
Одетой в драгоценный мех,

Зимою, по тропе промятой,
Идете в полуденный час -
Я вижу: венчик синеватый
Лег полукругом ниже глаз.

И знаю, что цветок прекрасный,
Полураскрывшийся цветок,
Уже обвеял пламень страстный
И бешеной струей обжег.

Так на скале вершины горной,
Поднявшей к небесам убор,
Свидетельствует пепел черный,
Что некогда здесь тлел костер.

8. ГЛАЗА*

Аквариум глаза. Зрачок рыбешкой золотою.
На белом Эльбрусе глетчерная круть.
На небосклон белков зрачок луною
Стосвечной лампочкой ввернуть.

Огромным снегом занесенный площадь
И пешеход зрачка весь набекрень и ниц.
В лохани глаз белье полощет.
Паркету щек подместь бы щеткою ресниц.

Маяк зрачка, на бельмах волн качайся!
Мол носа расшибет прибой высоких щек!
Два глаза пара темных вальса.
Синдетиконом томности склеен зрачок.

Раскрылся портсигар сквозь вширь ресницы,
Где две упругих незажженных папирос.
Глаза - стаканы молока. В них распуститься
Зрачку как сахару под ураган волос.

Глаза страницей белой, где две кляксы,
Иль паровоз в поля белков орет.
Зрачки блестят, начищенные ваксой,
Зрачки - вокзал в веселое вперед.

9. ИНСТРУМЕНТОВКА ОБРАЗОМ*

Эти волосы, пенясь прибоем, тоскуют,
Затопляя песочные отмели лба,
На котором морщинки, как надпись, рисует,
Словно тростью, рассеянно ваша судьба.

Вам грустить тишиной, набегающей резче,
Истекает по каплям, по пальцам рука,
Синих жилок букет васильками трепещет
В этом поле вечернем ржаного виска.

Шестиклассник влюбленными прячет руками
И каракульки букв, назначающих час...
Так готов сохранить я строками,
На память как вздох, освещенный златоустьем глаз.

Вам грустить тишиной... Пожелайте: исплачу
Я за вас этот грустный, истомляющий хруп!
Это жизнь моя бешеной тройкою скачет
Под малиновый звон ваших льющихся губ.

В этой тройке - вдвоем. И луна в окне бойко
Натянула, как желтые вожжи, лучи.
Под малиновый звон звонких губ ваших, тройка,
Ошалелая тройка, напролом проскачи.

10. ЧАШКА ЧАЯ*

Знаю. Да. Это жизнь ваша, словно январская стужа,
Вас промерзла на улицах снегом крутящихся дней,
Вы ко мне ворвались, оттирая замерзшие уши,

И присели к камину души, розовевшей теплыню своей.

И любовь мою залпом, как чашку горячего чая,
От которой всклублялись мои поцелуи, как пар,
Словно чашку горячего чая, выпили, не замечая,
Что угаром рыдал золотой самовар.

Обожглись и согрелись, ваши щеки победам
Зазвенели восточную первой зарей.
Вы согрелись. Готовы болтать вы со мной!
Так послушайте: мне этот холод неведом,
Но порой, я расплавлен духотой, духотой.

И тогда, погрустневший и тихозаботный,
И в Евангелие женских ресниц увлекум,
Из звенящего тела, как из чашки, пью чай мой холодный,
Неторопливо, глоток за глотком.

Этот чай утоляющий, будто нежное слово,
Этот чай - цвета ваших кудрей он, и в нем
Узкой струйкою сахара - сладость бывшего
И, как запах духов ваших, грезящий ром.

11. ВЫ*

Это лужицы светятся нежно и лоско,
Это ногти на длинных пальцах Тверской...
Я иду, и треплет мою прическу
Ветер теплой и женской рукой.

Ах, как трудно нести колокольчики ваших улыбок
И самому не звенеть, на весь мир не звенеть, не звенеть...
Вы остались. Устались и стаей серебряных рыбок
Ваши глаза в ресничную сеть.

Только помнится: в окна вползали корни
Все растущей луны между звездами ос.
"Ах, как мертво-золото всех Калифорний
Возле россыпи ваших волос!"

Канарейка в углу (как осколок луны) нанизала, низала
Бусы трелей стеклянных на нитку и вдруг
Жестким клювом, должно быть, эту нить оборвала,
И стекляшки разбились, попадая вокруг.

И испуганно прыснули под полом мышки,
И, взглянув на капельки ваших грудей,
Даже март (этот гадкий, непослушный мальчишка)
Спотыкнулся о краткий февраль страстей.

12. ПРАЗДНИК

Благовест кувыркнулся басовыми гроздьями;

Будто лунатики, побрели звуки тоненькие.
 Небо старое, обрюзгшее, с проседью,
 Угрюмо глядело на земные хроники.

Вы меня испугали взглядом растрепанным,
 говорившим: маски и Пасха.
 Укушенный взором неистово-злобным,
 Я душу вытер от радости насухо.

Ветер взметал с неосторожной улицы
 Пыль, как пудру с лица кокотки.
 Довольно! Не буду, не хочу прогуливаться!
 Тоска подбирается осторожнее жулика...
 С небоскребов свисают отсыревшие бородки.

Звуки переполненные падают навзничь, но я
 Испуганно держусь за юбку судьбы.
 Авто прорывают секунды праздничные,
 Трамваи дико встают на дыбы.

13. ЗА ГОРОДОМ

Грустным вечером за городом распыленным,
 Когда часы и минуты утратили ритм,
 В летнем садике под обрюзгшим кленом
 Я скучал над гренадином недопитым.

Подъезжали коляски, загорались плакаты
 Под газовым фонарем, и лакеи
 Были обрадованы и суетились как-то,
 И бензин наполнял парковые аллеи...

Лихорадочно вспыхивали фейерверки мелодий
 Венгерских маршей, и подмигивал смычок,
 А я истерически плакал о том, что в ротонде
 Из облаков луна потеряла пустячок.

Ночь прибежала, и все стали добрыми,
 Пахло вокруг электризованной весной...
 И, так как звезды были все разобраны,
 Я из сада ушел под ручку с луной.

14. В МЫШЕЛОВКЕ*

Это я набросал вам тысячи
 Слов нежных, как пушистые ковры на тахтах.
 И жду, пока сумрак высечет
 Ваш силуэт на этих коврах.

Я жду. Ждет и мрак. Мне смеется.
 Это я. Только я. И лишь
 Мое сердце бьется, юлит и бьется,

В мышеловке ребер красная мышь.

Ах, из пены каких-то звонков и материй,
В запевающих волнах лифта невдруг,
Чу! взлетели в сквозняк распахнуться двери,
Надушить вашим смехом порог и вокруг.

Это я протянул к вам руки большие,
Мои длинные руки вперед и вперед,
Как вековые Веки Вия,
Как копьё свое Дон-Кихот.

Вы качнулись, и волосы ржавые двинуться
Не сумели, застыв, измедузив анфас.
Пусть другим это пробило только одиннадцать,
Для меня командором шагает двенадцатый час.

Разве берег и буря? Уж не слышу ли гром я?
Не косою ли молний скошена ночь?
Подкатываются волны, как к горлу комья,
Нагибается профиль меня изнемочь.

Это с бедер купальщиц или с окон стекает?
И что это? Дождь? Иль вода? А сквозь мех
Этой тьмы две строки ваших губ выступают
И рифмой коварной картавый ваш смех.

Этот смех, как духи слишком пряные, льется,
Он с тахты. Из-за штор. От ковров. И из ниш.
А сердце бьется, юлит и бьется,
В мышеловке ребер умирает мышь.

15. ПОЖАЛУЙСТА

Ах, не ждите от меня грубостей -
У меня их ни в портмонэ, ни в бумажнике.
Я не буду делать обаятельных глупостей!
Пора и мне стать отважнее.

О, насекомое по земным полушариям
(Ну, чего Вы испуганно заахали!?),
О, я буду сегодня полон сострадания
И приму Ваши сожаления дряхлые.

Душа сегодня в строгости смокинга
И при черном галстуке...
Открываю Америки однобокие
И улыбочато говорю "пожалуйста".

Я сегодня всех зову герцогинями
И ручки целую у некоторых.
Ах, этот зал с декадентскими линиями

И с монотонностью лунного прожектора!

Сегодня начинается новая эра...
Я буду солиден на бархате five o'clock'a.
А поверите ль! Хочется даже "Miserere".
Спеть по-гаерски на мотив кэк-уока.

16. КЛАВИШИ ЧЕРНЫЕ

Отчего сегодня так странна музыка?
Отчего лишь черные клавиши помню?
Мой костюм романтика мне сегодня узок,
Воспоминанье осталось одно мне.

В моей копилке так много ласковых
Воспоминаний о домах и барышнях.
Я их опускал туда наскоро,
И вот вечера мне стали страшными.

Писк мыши как скрипка, и тени как ведьмы,
Страшно в сумраке огромного зала!
Неужели меня с чьим-то наследьем
Жизнь навсегда связала?

И только помню!.. И в душе размягченной -
Как асфальт под солнцем - следы узорные
Чьих-то укоров и любви утонченной!
- Перестаньте, клавиши черные!

17. МЫ НА ЗЕМЛЕ!

В конце концерта было шумно после Шумана,
Автоматически барабанили аплодисменты,
И декадентская люстра электричила неразумно,
Зажигая толповые ленты.

Я ушел за Вами из концерта, и челядь
Мелких звезд суетилась, перевязывая голову
Вечеру голому,
Раненному на неравной дуэли.

Одетые в шум, мы прошли виадук
И вдруг очутились в Парадизной Папуасии,
Где кричал, как в аду, какаду
И донкихотились наши страсти.

В ощущении острого ни одной оступы!
Кто-то по небу пропыхтел на автомобиле.
Мы были на острове, на краснокожем острове,
Где шмыгали дали и проходили мили!

Где мы, Раздетая? Проклятая, где мы сегодня?..
По небу плыли Офелии губы три тысячи лет...

Дерзкая девственница! Кошмарная! Понял:
Мы на земле!

18. ГОРОДСКАЯ ОХОТА

Вы бежали испуганно, уронив вуалетку,
А за Вами, с гиканьем и дико крича,
Бежала толпа по темному проспекту,
И их вздохи скользили по Вашим плечам.

Бросались под ноги фоксы и таксы...
Вы откидывались, нагибая перо,
Отмахивались от исступленной ласки,
Как от укусов июньских комаров.

И кому-то шептали: "Не надо! Оставьте!"
Ваше белое платье было в грязи;
Но за Вами неслись в истерической клятве
И люди, и зданья, и даже магазин.

Срывались с места фонарь и палатка,
Все бежало за Вами, хохоча и крича;
И только Дьявол в созерцании факта
Шел неспешно за Вами и костями стучал.

19. НА БУЛЬВАРЕ

Сумасшедшая людскость бульвара
Толпобег по удивленной мостовой.
- Земля пополнела от июньского жара! -
Колоратурен и дик миговой
Моторов вой.

Толпа гульлива, как с шампанским бокалы;
С немного дикостью кричат попури;
И верхние ноты, будто шакалы,
Прыгают яростно на фонари.
И esprits.

Отрывные звуки и Вы с плюмажем
На веранде в манто поете мотив.
- У Вас чьи-то черепа за корсажем! -
Небо раскрылось, как дамский лиф,
Облаковые груди раскрыв.

Длиннеет... Свежеет... Стекольной полосой
Ветер бьет в лица и в газовый свет.
И над бульваром машет косою
- В теннисный костюм одет -
Плешивый скелет.

20. ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕГКИЕ

Порыжела небесная наволочка
 Со звездными метками изредка...
 Закрыта земная лавочка
 Рукою вечернего призрака.

Вы вошли в розовом капоре,
 И, как огненные саламандры,
 Ваши слова закапали
 В мой меморандум.

Уронили, как пепел оливковый,
 С догоревших губ упреки...
 По душе побежали вразбивку
 Воспоминания легкие.

Проложили отчетливо рельсы
 Для рейсов будущей горечи...
 Как пузырьки в зельтерской,
 Я забился в нечаянных корчах.

Ах, как жег этот пепел с окурка
 Все, что было тоскливо и дорого!
 Боль по привычке хирурга
 Ампутировала восторги.

21. ТОЛЬКО ТОСКА

Эпизоды и факты проходят сквозь разум
 И, как из машин, выходят стальными полосками...
 Всё вокруг пахнет экзотикой и наркозом,
 И душа закапана воском.

Электрическое сердце мигнуло робко
 И перегорело - где другое найду?!
 Ах, я верну Вашу улыбку
 Под абажур моих матовых дум.

И буду плакать - как весело плакать
 В электрическом свете, а не в темноте! -
 Натывать на острый Дьявольский ноготь
 И на готику Ваших локтей.

И будут близко колени Ваши,
 И будет далеко моя судьба...
 Ах, тоска меня треплет, словно афиши
 На застывших проспектных столбах...

22. ГОРОД

Летнее небо похоже на кожу мулатки,
 Солнце как красная ссадина на щеке;
 С грохотом рушатся элегантные палатки,

И дома, провалившись, тонут в реке.

Падают с отчаяньем в пропасть экипажи,
В гранитной мостовой камни раздражены;
Женщины без платья - на голове плюмажи -
И у мужчин в петлице ресница Сатаны.

И Вы, о Строгая, с электричеством во взоре,
Слегка нахмурившись, глазом одним
Глядите, как Гамлет в венке из теорий
Дико мечтает над черепом моим.

Воздух бездушен и миндально-горек,
Автомобили рушатся в провалы минут,
И Вы поёте: "Мой бедный Йорик!
Королевы жизни покойный шут".

23. ВАШЕ ИМЯ*

Ваше имя, как встарь, по волне пробираясь, не валится
И ко мне подбредает, в молве не тоня.
Ледяной этот холод, обжигающий хрупкие пальцы,
Сколько раз принимал я, наивный, за жаркую ласку огня!

...Вот веснеет влюбленность, и в зрачках, как в витринах,
Это звонкое солнце, как сердце, скользнуло, дразнясь,
И шумят в водостоках каких-то гостиных
Капли сплетен, как шопот, мутнея и злясь.

Нежно взоры мы клоним и голову высим,
И все ближе проталины губ меж снегами зубов,
И порхнули бабочки лиловеющих писем,
Где на крыльях рисунок недовиденных снов...

...Встанет августом ссора. Сквозь стеклянные двери террасы
Сколько звезд, сколько мечт, по душе, как по небу, скользит,
В уголках ваших губ уже первые тучи гримасы,
И из них эти ливни липких слов и обид...

Вот уж слезы, как шишки, длиннеют и вниз облетают
Из-под хвои темнеющей ваших колких ресниц,
Вот уж осень зрачков ваших шатко шагает
По пустым, равнодушным полям чьих-то лиц.

... А теперь только лето любви опаленной,
Только листьями клена капот вырезной,
Только где-то шуменье молвы отдаленной,
А над нами блаженный, утомительный зной.

И от этого зноя с головой погрузиться
В слишком теплое озеро голубеющих глаз
И безвольно запутаться, как в осоке, в ресницах,

Прошумящих о нежности в вечеряющий час.

И, совсем обессилев от летнего чуда,
Где нет линий, углов, нет конца и нет грез,
В этих волнах купаться и вылезть отсюда
Завернуться в мохнатые простыни ваших волос...

...Ваше имя бредет по волне, не тonya, издали,
Как Христос пробирался к борту челнока.
Так горите же. губ этих тонкие свечи,
Мигающим пламенем языка!..

24. МОЯ ДУША

Вы повесили душу мою на зиму
В Вашем будуаре, как портьеру,
Чтоб она заглушала сплетни о связях
И о том, что к Вам ходят кавалеры.

А на лето Вы ее спрятали бережно
В сундук и пересыпали забвеньем,
Чтобы моль ее не грызла небрежно,
Но с известным ожесточеньем.

Пришли воры - ах, одна была очень,
Очень интересна, худощава и элегантна;
Она раскрыла сундук озабоченно
И душу мою унесла, понятно.

Вычурная кокетка XX-го века!
Кто же оградил в ленивом будуаре
Ваши приманчиво-раздетые веки
И Вашего кавалера амморальные арии?

25. МОЛИТВА

Пред иконой чудотворною
Я паду с молитвой вновь:
О, прости рабу покорную,
Охрани мою любовь!
Чтобы милый, светлокудрый
На измученных щеках
Не заметил блеклой пудры -
Я приму его впотьмах.
Будет думать он, что нежной
Девушке любовь дарит,
Вспыхнет страстью неизбежной,
Дерзко на постель склонит.
Платье расстегнуть поленится,
Резко разорвет атлас...
Отчего ж слезою пенится
Зеркало зеленых глаз?

С благодарностью целуя,
Обовьет усталый стан...
"Первый - ты!" - ему скажу я.
Господи! Прости обман!

26. ИНТИМНОЕ

Я привык к Вашей столовой с коричневым тоном,
К чаю вечернему, к стеклянному звону,
К белым чашкам и к собачьему лаю.
Я всегда у Вас вечерами бываю.
Все так приветливо! Порою печальное.
Из окна я вижу церковь дальнюю.
Какой-то хаос гармонии многотонной.
В соседней комнате звонок телефонный.
И воздух поет: "смотри, смотри,
Как замкнули двери, молча, драпри!"
По комнатам веет любовный туман,
О, как знаком мне пестрый диван!
Тут я впервые интимность познал;
Ее навеял Ваш светлый зал.
И понял, что все другое - ошибка,
Что солнце - детей наивных улыбка,
Что сердце ловит в звездах ответ,
Что сам я глупый, глупый поэт.